

А. А. Бабанов, Е. В. Резников

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ДЕФИНИЦИИ «ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

В данной статье анализируется психологический аспект такой дефиниции, как «правовая идентичность», являющейся относительно новым понятием, выработанным в рамках такого научного направления, как теория государства и права. Авторами показаны некоторые основные аспекты интеграционного взаимодействия историко-психологического и правового направлений при исследовании данной категории.

Ключевые слова: сознание, правовое сознание, идентичность, правовая идентичность, психологическая теория права, юридическая психология.

A. A. Babanov, E. V. Reznikov

INTEGRATION ASPECT OF PSYCHOLOGICAL LEGAL ANALYSIS OF THE DEFINITION OF LEGAL IDENTITY

The authors analyze a psychological aspect of such a definition as legal identity that is a relatively new concept developed within the framework of such a scientific field as theory of state and law. The article represents some major aspects of integration interaction between historical psychological and legal fields while studying this category.

Keywords: consciousness, legal consciousness, identity, legal identity, psychological theory of law, legal psychology.

Несмотря на то, что предметные поля юридической науки и психологии имеют явные сферы пересечения, модель взаимодействия этих научных дисциплин до сих пор не выстроена. По замечанию Е. А. Лукашевой, высказанному еще в советское время, для отечественной юридической науки свойственна своего рода «боязнь психологизма» [1].

Такая область знаний, как юридическая психология, традиционно складывалась как дисциплина прикладного характера с достаточно узкими задачами. Как указывает Г. В. Мальцев, юридическая психология выросла на почве судебной, тюремной, уголовной психологии и по-прежнему сохраняет наиболее тесную связь с криминалистикой, криминологией и уголовным процессом: «Создается впечатление, что перед

нами прикладная дисциплина, не столько имеющая общий юридический характер, сколько направленная на определенные сектора правоприменительной практики, главным образом судебной, криминальной, пенитенциарной» [2].

Исследование психологических факторов человеческого поведения в области права могло бы сосредоточиться в такой сравнительно новой для российского правоведения дисциплине, как антропология права (юридическая антропология), которая «путем анализа устных или письменных памятников права, практики общественной жизни исследует процессы юридизации человеческого бытия, свойственные каждому историческому типу цивилизации, и стремится выявить закономерности, которые лежат в основе социального и правового быта человеческих

общностей» [3]. Однако фактически данное направление ограничивается изучением архаичных форм правовой жизни, а также некоторых отдельных тенденций современного правового развития, но не дает психологической картины правового бытия человека.

Сложившаяся ситуация разобщенности психологии и юридической науки вызвана объективными процессами усложнения и специализации научного знания, внутренней дифференциацией научных дисциплин, усилением методологических и терминологических расхождений, ведущих к взаимному непониманию.

Наиболее удачным примером синтеза психологических и юридических знаний по-прежнему остается так называемая психологическая теория права, разработанная Л. И. Петражицким. Основываясь на собственной концепции «моторных раздражений», Л. И. Петражицкий раскрыл психологический механизм действия права; с его точки зрения, само право — не что иное, как явление человеческой психики, точнее, совокупность императивно-атрибутивных этических переживаний. Его теория объясняет также соотношение права и нравственности как различных моторных возбуждений, мотивационное и воспитательное действие правовых переживаний, психологическую природу прав и обязанностей и др. С точки зрения Л. И. Петражицкого, право играет огромную роль в детерминации социального поведения человека и оказывает интенсивное воздействие на развитие личности путем «психического давления» (так, по его мнению, все «экономические законы» представляют собой лишь результат постоянного и однообразного мотивационного действия гражданского права) [4].

Недостатком теории Л. И. Петражицкого является то, что в ней отрицается самостоятельная предметность права, которое отождествляется с одним из явлений человеческой психики. Трудно спорить с тем, что наделение тех или иных феноменов правовыми качествами имеет психологическую природу, но это не означает, что право полностью сводится к соответствующим эмоциям и переживаниям, не

имея никакого иного содержания. Кроме того, Л. И. Петражицкий не определил с достаточной точностью объект исследования, признавая, что «по своему интеллектуальному составу суждения могут быть и бывают иногда правовыми, а иногда нравственными. Иногда они переживаются сначала в качестве нравственных, а несколько секунд спустя в качестве правовых суждений, или наоборот» [5].

Поэтому ценным дополнением к этой теории стали выводы, сделанные последователем Л. А. Петражицкого П. А. Сорокиным, который показал, что любое социальное явление включает в себя не только чисто психическую, но и внешне-символическую сторону — своего рода «застывшие» психические переживания, принявшие звуковую, цветовую, предметную, двигательную и т. п. форму) [6].

В отношении исследования такого феномена, как идентичность, юридическая наука и психология находятся в явно неравном положении. Поскольку целостная теория правовой идентичности пока не создана, то особенности различных дисциплинарных подходов к данному явлению могут стать более наглядными в том случае, если обратиться к некоторым другим категориям, при помощи которых описываются отдельные аспекты идентичности и которые с одинаковой активностью применяются как в юридической, так и в психологической науках.

Важнейшей среди них является такая категория, как «сознание». Будучи одной из основных сфер бытия идентичности, сознание при этом обладает до некоторой степени более фундаментальным значением, поскольку является вмещителем множества других жизненно важных для личности и общества психических феноменов.

Психологический подход к проблеме сознания наиболее полно представлен в трудах таких выдающихся отечественных ученых, как Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев.

Так, Л. С. Выготский выделял две классические теории сознания: первая рассматривает сознание как нечто «внеположное» по отношению к психическим функциям, как своеобразное «психическое пространство» (например, согласно К. Ясперсу, сознание — это сцена, где

разыгрывается действие драмы). Согласно второй теории, сознание — это общее качество, которое присуще психическим процессам и может быть «вынесено за скобки». В обоих случаях сознание предстает как не имеющее качественной определенности и не развивающееся. Для самого Л. С. Выготского сознание — это прежде всего «связь деятельности», или психическое целое, определяющее судьбу системы. Сознание рассматривается в первую очередь как смысловое строение, которое определяется смыслообразующей деятельностью значений) [7].

А. Н. Леонтьев, развивая идеи Л. С. Выготского, исходит из того, что сознание — это качественно новая форма психики, характерная исключительно для человека и отличающая его от животных. В своей непосредственности сознание выступает как «открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [8]. Однако по своей природе сознание вовсе не сводится к восприятию субъектом предметов своей деятельности, к наличию у него представлений, планов, намерений или моделей. Сознание представляет собой преобразованную форму проявления общественных отношений. Первоначально оно существует как психический образ окружающего мира, затем предметом сознания становится собственная и чужая деятельность, которая выражается в жестах или звуковой речи, что, в свою очередь, порождает внутренние действия и операции; сознание-образ становится сознанием-деятельностью [9].

Согласно А. Н. Леонтьеву, сознание — это не плоскость или емкость, заполненная образами или процессами, и даже не внутренняя связь составляющих его элементов, а «внутреннее движение его образующих, включенных в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе» [10].

В российской юридической науке XX века довольно активно используется понятие «правовое сознание» («правосознание»). Классическим трудом по этой тематике является работа И. А. Ильина «О сущности правосознания», где автор характеризует правосознание как «духовно верное и *целостное отношение души к праву*»; это «знающая воля к

праву, *признающая* его в его объективном значении и обязательности, и признающая его потому, что она признает его *цель*»; «особый способ жизни, которым живет душа, *предметно и верно* переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах) [11]. Из этих определений видно, в частности, что речь идет не о сознании в целом и не о каком-то особом состоянии сознания, а лишь о его отдельных элементах или функциях.

Более типичным для современной теории права является определение правосознания как совокупности представлений людей о праве, суждений о необходимости правовых взаимоотношений, установок и других явлений социально-психологического порядка (эмоций, настроений и т. п.) [12]. При таком понимании правосознания оно предстает как сумма самых разнообразных психических реакций, не образующих единое целое и имеющих только одно общее свойство — объект, на который все они направлены.

Таким образом, можно выделить заметные различия между подходами юридической науки и психологии к исследованию сознания. Психологическое понимание сознания, безусловно, является базовым, поскольку прямо относится к профилю данной науки. Для юриспруденции понятие сознания является привходящим, имеющим иную дисциплинарную принадлежность. Юридическая наука, во-первых, добавляет к понятию сознания такое качество, как строго определенная *предметность*: выделяются лишь те явления и элементы сознания, которые направлены на правовую действительность; все остальные аспекты сознания для юридической науки интереса не представляют. При этом, несмотря на отдельные попытки поместить само право внутрь сознания (Л. И. Петражицкий), господствующим остается понимание права в качестве элемента внешней для человека реальности. Таким образом, представление юридической науки о сознании ориентировано не столько на внутренний мир человека, сколько на внешние факторы, выступающие раздражителями психики. Во-вторых, одновременно с появлением

предметности утрачивается *системность*. Если основные усилия психологии направлены на то, чтобы понять сознание как целостность, выявить его системное качество, то для юридической науки внутренние связи сознания, образующие его устойчивую структуру, предметом изучения не являются, поскольку сами по себе они не направлены на объекты внешнего мира, в том числе на право. Поэтому в определениях правосознания чаще всего фигурируют лишь указания на частные психические явления — «воля», «познание», «отношение» (И. А. Ильин), «суждения», «установки», «эмоции», «настроения» (С. С. Алексеев) и т. п. Собственно, в этих случаях речь идет не о самом сознании как таковом, а лишь о некоторых процессах и эффектах, которые имеют место в пространстве сознания.

Список библиографических ссылок

1. Лукашева Е. А. Мотивы и поведение человека в правовой сфере // Сов. гос-во и право. 1972. № 8. С. 21.
2. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 119.
3. Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002. С. 23.
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб, 2000. С. 555—556.
5. Там же. С. 83
6. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. С. 96-105.
7. Выготский Л. С. Проблема сознания//Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М., 1982. С. 156-166.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т. II. М., 1983. С. 166.
9. Там же. С. 170—171.
10. Там же. С. 185.
11. Ильин И. А. О сущности правосознания: собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 158.
12. Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 113.

© А. А. Бабанов, Е. В. Резников, 2012